

Дэвид Боукер

ЛЮБЛЮ МОИ «СМИТ-ВЕССОН»

«Жизнь коротка. Если уж трогать ее часть на чтение, то — на чтение Дэвида Боукера!»

Village Voice

Дэвид Боукер

Люблю мой 'Смит-Вессон'

Серия «Злыдень», книга 2

OCR Paco: vadyumkh@gmail.com, дополнительная вычитка: Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156201

Дэвид Боукер. Люблю мой «Смит-Вессон»: АСТ, АСТ МОСКВА,

ХРАНИТЕЛЬ; Москва; 2006

ISBN 5-17-037124-1, 5-9713-3245-7, 5-9762-0358-2

Оригинал: DavidBowker, "I Love My Smith and Wesson"

Перевод:

Анна А. Комаринец

Аннотация

Война манчестерского криминала близится к **КУЛЬМИНАЦИИ!**

Киллер с золотым сердцем, трогательно оберегающий **ЛЮБИМОГО ДРУГА ДЕТСТВА**, убившего свою жену, и неудачливого наследника "крутого" крестного отца, – в дуэли против красавицы-киллерши, нанятой конкурирующей группировкой!

Полиция **СОГЛАСНА НЕ ВМЕШИВАТЬСЯ**. Пресса предвкушает **ЗОЛОТЫЕ ДЕНЕЧКИ...**

Все развлекаются...

А каково киллерам? Им-то **РАБОТАТЬ!**

Содержание

1	4
2	43
3	53
4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Дэвид Боукер

Люблю мой "Смит-Вессон"

1

*Семь лет прошло, любовь моя,
Семь долгих, долгих лет,
И клятвы, данной мне, маня,
Ужель простыл и след?
"Возлюбленной из-за гроба".*

Автор неизвестен

Накануне своей свадьбы Билли Дай получил весточку от мертвеца. Послание было накарябано кровью.

Почерк Билли узнал.

И кровь тоже.

Открытка ждала его, прислоненная к подставке для то-стов, когда он спустился к завтраку. Час был ранний. Ресторан гостиницы был наполовину пуст. Возле открытки лежала аккуратная бандероль, которую Билли открыл первой. В ней оказалось два сигнальных экземпляра американского издания "Танцев с вервольфами" Уильяма Дая. На суперобложке, которой Билли никогда раньше не видел, красовался зеленый волчий глаз, а в зрачке – отражение миниатюрных Джинджер и Фреда.

Билли улыбнулся и книге, и звучной фразе на обороте: "Его американский дебют". Ложь, конечно. Его первый роман "Нечестивее тебя" вышел в крохотном бостонском издательстве шесть лет назад. Продалось ровно пять экземпляров.

Потом Билли взял открытку. Не спеша рассмотрел конверт, проверяя, сможет ли угадать, от кого она. Аккуратно отпечатанный адрес: "Уильяму Дайю, апартаменты для новобранцев, отель "Скенекастл", Аргайллшир, Шотландия". На марке – штемпель Манчестера. Открытка внутри – ручной работы, по углам отделана кружевом в викторианском стиле. На обложке окошко в виде сердечка выходило на симпатичный маленький коттедж из змей, черепов и надгробий.

Билли первым спустился к завтраку, и потому никто не видел выражения у него на лице, когда он развернул открытку и заглянул внутрь. А ведь послание произвело в Билли удивительную перемену. Поблуднев как полотно, он закрыл рот рукой, словно зажимая проклятие или поток блевотины. Потом схватил открытку и, не обращая внимания на подошедшую принять заказ официантку, решительным шагом вышел из ресторана.

У подножия лестницы он едва не столкнулся со своей будущей женой и их маленькой дочкой. Никки как раз выходила из лифта, но в левой руке держала малышку, а правой пыталась захлопнуть тяжелую дверцу старомодного лифта и потому его не заметила.

Когда Билли бегом поднимался по лестнице, его била дрожь. В номере он снова рассмотрел открытку, не желая верить тому, что увидел в первый раз.

Я БУДУ С ТОБОЙ В ТВОЮ БРАЧНУЮ НОЧЬ

Послание было цитатой из "Франкенштейна" Мэри Шелли. В романе Виктор Франкенштейн берется создать спутницу жизни для своего монстра, но передумывает. В отместку чудовище убивает жену Франкенштейна вскоре после венчания.

"Франкенштейн" был одним из любимых романов Билли. А еще его любил Злыдень.

Если бы подобное обещание исходило от любого другого человека, Билли посмеялся бы, но у Злыдня было обыкновение приводить в исполнение свои угрозы. Где бы ни объявился, он всегда нес с собой разрушение и смерть. Это был самый страшный человек на свете. Когда-то Билли пытался его убить, но теперь стало очевидно, что потерпел неудачу. Монстр вернулся.

Он жив, жив.

И жаждет крови.

Билли затрясло.

Он подошел к мини-бару, крохотному холодильничку, как всегда, забитому чрезмерно дорогими мини-бутылочками и баночками со слабоалкогольным пойлом. Бездумно опрокинул бутылочку джина в стакан и выпил его залпом.

Потом добрел до бельевого ящика и достал спрятанный

там револьвер. "Смит-Вессон, 360 PD". Оружие для ближнего боя, но с другого расстояния Билли вообще не попадет. Пушку он купил несколько месяцев назад у одного придурка в пабе. Дома Билли нравилось стоять перед зеркалом, наставив револьвер на свое отражение: "Ага, ты думаешь, ты такой крутой? Можешь потягаться с большими мальчиками?"

Было время, когда Билли презирал оружие. Но теперь стал на сторону Чарлтона Хестона¹, который считал, что каждый добропорядочный и законопослушный гражданин должен иметь пушку, чтобы отпугивать всяких сволочей. Особенно тех гадов, которые хотят растить своих детей в безопасном, лишенном насилия мире. (Да как они смеют?)

Если полицейские застукают Билли со "смит-вессоном", ему скорее всего светит тюрьма. Полицию Билли не слишком жаловал. На его взгляд, в ней был корень всей преступности. Где будут эти хваленые полицейские, когда Злыдень придет за ним? Они будут обмениваться порножурналами, толкать детям наркотики, орать по пустякам, арестовывать нищих старушек за кражу банки консервированных бобов.

Поднеся огонек зажигалки к открытке, Билли поджег ее, осторожно отнес с ванную и уронил в раковину. Когда бумага почернела, он разломал ее на частички, отвернул кран и смыл черную грязь.

¹ Знаменитый американский актер, выступавший главным образом в амплуа героев (такие фильмы, как «Планета обезьян», «Бен Гур»). – Здесь и далее примеч. Пер.

Билли надел пальто и для верности опустил в правый карман револьвер. Выходя из номера, улыбнулся хорошенькой горничной. Под огромной рождественской елкой в холле высилась гора коробок в клетчатой обертке. Пройдя мимо стойки, Билли кивнул портье с каменным лицом (чтобы тут работать, не обязательно быть отвратным гадом, но такая внешность – большое подспорье) и вышел на ледяной шотландский ветер. За дверьми отеля (в прошлом поддельного замка, построенного английским фабрикантом) Билли пересек парковку и по крутой лестнице спустился на пляж.

Утро выдалось холодное и хмурое. Колыхалось и билось о берег Северное море.

Огромные белые буруны разбивались о скалы, и ветер вздымал к небу и бросал на песок водяную пыль.

Одет Билли был не по погоде, но слишком разнервничался и потому не чувствовал холода. Он оглянулся на стоящий на скале отель: четыре симметричные башни, конические фронтоны. В его апартаментах – в левой башне – горел свет. Нижний этаж скрывала серая скала. От ступеней в ней мягкий бурый песок марала лишь цепочка его собственных следов.

Билли никак не мог выбросить из головы Злыдня, и страх последовал за ним на пляж...

Не отрываясь, смотрят блестящие глаза...

Запахок братской могилы...

На пляже не было никого, даже обязательного идиота, выгуливающего злую собаку. Билли шел вдоль воды, а море шипело и плакало у его ног.

Билли боялся за свою семью. Боялся за своего ребенка. Но главное – боялся потерять единственное настоящее счастье, какое когда-либо знал. С тех пор как они с Никки помирились, все двери, которые когда-то были закрыты, таинственным образом распахнулись.

Он написал сценарий к телесериалу под названием "Гангчестер", который вот-вот начнут снимать. Американская киностудия за солидную сумму взяла роман "Нечестивее тебя". Снимать вроде бы пригласили Джорджа Лейку.

И – что самое странное – менеджер из банка прислал Биллу теплое дружеское письмо, намекая, что если он пожелает взять кредит, банк гарантирует ему весьма щедрую ставку по процентам. Билли никогда не предлагали такую услугу, когда он по-настоящему в ней нуждался.

Прослышав про голливудские доллары, английские журналисты вдруг загорелись желанием взять у Билли интервью. Ничто так не возбуждает английскую прессу, как американские деньги. Редакторы журналов, которые когда-то презирали Билли за цинизм и гадкий язык, теперь хотели, чтобы он писал циничные и гадкие заметки за большие гонорары на темы, в которых он решительно ничего не смыслил.

Билли приглашали на телепрограммы по искусству, где он нес чепуху бок о бок с другими болтунами и недоумками. Когда они с Никки ездили в Лондон на съемки последней передачи, Билли позвонил в фешенебельный ресторан "Ай-ви", и ему удалось заполучить столик на этот самый вечер, что само по себе было чудом. Но еще больше поразило Билли то, что принимавшая заказ женщина в самом деле про него слышала.

Единственным темным пятном оставались отношения с Никки. Вот почему он предложил ей руку и сердце. Он хотел начать с чистого листа.

А теперь ни с того ни с сего – или, точнее, из зловещей черноты – в его жизнь снова ворвался Злыдень, демон опустошения.

Похлопав себя по карманам, Билли нашел сигареты с ментолом. Если не считать редкого косяка, Билли не курил с тех пор, когда был подростком. Но вчера, испытывая потребность соприкоснуться со своим мальчишеским "я", купил пачку ментоловых сигарет и коробок спичек. Вскрыв пачку, он, как и когда был мальчишкой, сломал шесть спичек прежде, чем сумел прикурить.

Табак не произвел ожидаемого действия. Никакого прустовского наплыва воспоминаний, только сосущее ощущение, что неудачи возвращаются. Желудок у Билли протестующе сжался, спрашивая, почему вместо чая с гренками ему подсовывают ментоловый дым. Билли выдохнул сизое облач-

ко, которое ветер бросил ему обратно в лицо.

В отличие от Билли Злыдень был стремительным и сильным: пожелает тебе доброго утра, а потом набросится, как барракуда. Такой атакует без страха или осторожности. Оглянуться не успеешь, окажешься весь в крови. А потом будешь молить на коленях. А потом – труп. Билли инстинктивно схватился за сердце, чтобы удостовериться, что сам еще жив.

В полицию он пойти не может. К тому времени, когда констебль прикатит на велосипеде, Билли, его семья и гости на свадьбе будут уже мертвы, а отель сожжен дотла.

Он даже не мог сказать Никки. У той была склонность к депрессии, поэтому Билли защищал ее от правды о собственном недавнем прошлом. Она знала, что Стива Эллиса, друга детства Билли, отправили в исправительную колонию для подростков, и понятия не имела, что он вновь возник в жизни Билли уже совершенно взрослым – законченным убийцей по кличке Злыдень.

Вспомнив про Никки и их дочку Мэдди, зная, что они нуждаются в его защите, Билли повернулся и пошел назад к отелю. Именно так поступил бы Чарлтон Хестон.

Длинный пляж тянулся на несколько миль в обе стороны. Справа темнели отвесные скалы. Билли медленно ступал параллельно цепочке собственных следов. Закашлявшись, он сплюнул и выбросил недокуренную сигарету в пену прибоя, недоумевая, как вообще мог когда-то курить.

Ветер сорвал со скалы чайку, закрутил ее в вышине – птица отчаянно визжала и никак не могла стать на крыло, и наконец ее понесло в сторону залива. Некоторое время Билли наблюдал за ней, потом оглянулся.

Далеко позади него маячила на берегу одинокая фигура.

С такого расстояния трудно было распознать, мужчина это или женщина, да и вообще стоит незнакомец или приближается. Но при виде силуэта Билли стало не по себе.

Он пошел дальше.

Билли знал, что должен сделать. Отменить свадьбу. Нужно уезжать. Немедленно. Никки это не понравится, но еще меньше ее порадует вид зарезанных друзей и родных. Такие мелкие соображения, как потеря денег, разочарование гостей и вероятность на веки вечные рассориться с друзьями и семьей, придется отместить. Самое главное – безопасность его семьи. Им нужно переезжать с места на место. Даже длительное путешествие за границу показалось Билли довольно удачной мыслью.

Он снова обернулся. Фигура как будто не приблизилась. Тем не менее, Билли почувствовал, что она остановилась в тот самый момент, когда он оглянулся – точно дети играют в "морская фигура, на месте замри".

Видимость становилась хуже. С моря набегали серые тучи, отбрасывая на воду темную тень.

Билли рискнул бросить еще один взгляд через плечо. Незнакомец догонял. Теперь стало видно, что это высокий

мужчина в длинном развевающемся плаще. "И что с того?" – сказал самому себе Билли. Уйма народу носит длинные плащи. "Кто, например?" На ум приходил только один. Погладив револьвер в кармане, он прибавил шагу. Спасаться паническим бегством ему помешало лишь одно: вполне английский страх выглядит глупо.

Над вершиной скалы уже показались башни отеля "Скенекастл". Еще выше неслись по небу темные тучи. Почти достигнув безопасной гавани, Билли оглянулся через плечо. Преследователь был уже близко, почти в двадцати шагах. Застыв как вкопанный, Билли уставился на него во все глаза. Это он! Сомнений нет. То же худое лицо, те же темные глаза, широкий шаг и прямая спина, которые Билли так ясно помнил.

Злыдень.

Сжимая в кармане револьвер, Билли бросился бежать.

И Злыдень тоже.

Соленая пыль летела Билли в лицо, когда он, оскальзываясь на мокром песке, несясь со всех ног. Осознав, что спастись бегством бесполезно, что Злыдень всегда будет быстрее и сильнее, Билли остановился и вытащил револьвер. Но не успел он повернуться и прицелиться, как Злыдень набросился на него и сбил с ног. Револьвер отлетел в сторону. Взбивая клубы песка, мужчины покатались по земле.

Не успел Билли хотя бы дать сдачи, как Злыдень схватил его за плечи и перевернул. Теперь Билли растянулся на пес-

ке, а Злыдень сидел сверху. Точно так же закончилась их первая драка в Манчестерской Средней школе двадцать лет назад.

– Готов встретиться с вечностью? – спросил Злыдень.

– Цитата из рекламы "Кельвина Кляйна"?

Расхохотавшись, Злыдень поднялся, а Билли так и остался лежать, отдуваясь.

Подняв "смит-вессон", Злыдень откинул барабан.

– Хорошая пушка. Жаль, не заряжена.

– Что? Тип, который мне ее продал, говорил, что заряжена!

– Ты что, даже не посмотрел? – заржал Злыдень.

– Не знал, как открыть, – смущенно ответил Билли. Он так и остался в горизонтальном положении, глядя на Злыдня снизу вверх.

– Чего это ты разлегся? – поинтересовался Злыдень.

– Если собираешься меня убить, то делай это сейчас, пока я не встал. Тогда не придется снова падать.

– Убить? С какой стати?

– Например, потому, что ты убийца.

– Тебя я не стал бы убивать.

Нисколько не убежденный этими словами, Билли встал и отряхнул с одежды песок.

Злыдень выглядел подтянутым и загорелым, словно только что вернулся из отпуска. Его глаза горели странным светом, который у Билли всегда ассоциировался с наркоманами

и пророками. Голова была обрита, о волосах свидетельствовала лишь темная тень на скальпе. И все в нем, от лепных скул до зверски начищенных тяжелых ботинок, обещало выбитые зубы и горькую утрату близких.

– Извини, Билли, что так долго пропадал. Вечно под ногами трупы путались.

Переминаясь с ноги на ногу, Билли недоумевал, не издеваются ли над ним.

А Злыдень отвернулся и стал смотреть на море.

– Надо думать, ты взялся за старое ремесло?

Билли кивнул. Сердце у него билось о грудную клетку, как сбрендивший заключенный. Он боялся заговорить из страха, как бы оно не вырвалось через открытый рот.

Подобрав плоский камешек, Злыдень пустил его прыгать по воде – камешек подпрыгнул четыре раза и лишь потом утонул.

– Скажи мне кое-что. Если ты все еще писатель, как получилось, что ты можешь позволить себе свадьбу в таком отеле?

– Чуток повезло, – сказал Билли. От нервов у него заплетался язык, и слова вышли неразборчивые. – Один режиссер хочет снять фильм по моей книге.

Злыдень запустил другой камешек.

– Какой?

– Джордж Лейка. Тот, что снял "Истерический жор".

Медленно обернувшись, Злыдень наградил Билли слабой

сардонической улыбкой.

– Я спрашивал про книгу.

– По первой.

– Моя любимая. – Злыдень сплюнул на песок. – Этот твой режиссер американец?

– Американистей не бывает.

– Тогда, наверное, правда. Я про слухи, которые о тебе ходят.

– Какие слухи? – спросил Билли. Во рту у него пересохло так, что он едва мог сглотнуть.

– Что ты бросил хоррор. Что ты стал продажной девкой.

Чтобы скрыть страх, Билли кашлянул, но лишь стал похож на перепуганного человека, у которого кашель.

– Насчет продажной девки, это правда, – сказал он. – Но хоррор я не бросил.

– Хотелось бы надеяться. Ведь это все равно что предать собственную душу. Кладбища, монстры и смерть. Вот наш мир. Вот о чем тебе следовало бы писать.

– Послушай, я был гол как сокол, был настолько нищим, что в кармане у меня и осталось-то пятьдесят пенсов, и я не знал, купить консервированные бобы или буханку хлеба. Потому что если бы купил хлеб, мне нечего было бы на него положить. А если бобы, то не на что было бы их положить. И вообще я не желаю, чтобы мне читал лекции о продажности тот, кто убивает за деньги.

– Так ведь не в деньгах суть, друг мой. Я думал, ты это

понимаешь.

– Я понимаю гораздо больше, чем тебе кажется.

Злыдень почесал нос и заметил, как Билли поежился.

– Что-то случилось?

– Ничего.

– Ты, кажется, не слишком рад меня видеть. Ты весь в поту. На тебе лица нет.

Билли промолчал.

– Я чуть сбавил обороты.

Злыдень показал левую руку. На тыльной стороне ладони выступал блестящий розовый бугорок заросшего шрама.

– Я схватился с ангелом Смерти, Билли. Едва не сгорел заживо. Помнишь мою кибитку? Перед сном я, наверное, плохо затушил косяк, потому что, проснувшись, обнаружил, что у меня кровать горит. – Он издал неопределенный горловой звук, не то фыркнул, не то хмыкнул. – Ирония судьбы, да? Половина гангстеров Манчестера не сумела меня завалить, а окурок не пощадил.

Не в силах поверить в собственное везение, Билли уставился на него во все глаза. Возможно ли, что Злыдень не знает, кто поджег кибитку? Или правда не знает, или он такой паразитический актер, каких свет не видывал.

– Ну разумеется, откуда тебе знать! Ты к тому времени уже сбежал. Назад к своей драгоценной жизни, которая тебе почему-то так нравилась. Впрочем, я знал, что так выйдет. Всегда знал, что ты свалишь при первой же возможности.

Билли постарался сделать пристыженное лицо. Злыдень обнял его за плечи.

– Да ладно, я понимаю. На преступника ты все равно не тянешь. Слишком много болтаешь.

Тут Злыдень посмотрел на правую руку Билли.

– Где твоё кольцо?

Мальчишками они купили дешёвые кольца с черепами – чтобы скрепить этим символом дружбу. Свое Билли выбросил вскоре после того, как узнал, что Злыдень убийца со стажем. Теперь же, когда на него был устремлен спокойный немигающий взгляд, оставалось только пожать плечами.

Сунув руку в карман, Злыдень достал обтянутую черным бархатом коробочку, которую протянул Билли.

– Вот.

– Что это?

– Считай это свадебным подарком.

– Свадебному подарку полагается быть для двоих. И для жениха, и для невесты.

– С какой стати я буду покупать подарок твоей жене? Я ее даже не знаю.

Билли открыл коробочку. Это было новенькое кольцо, точная копия дешёвого оригинала.

– Двадцатичетырёхкаратное золото. Видишь глаза? Рубины.

– Даже не знаю, что и сказать, – промямлил Билли.

– Тогда ничего не говори, – посоветовал Злыдень. – Про-

сто примерь.

Билли надел кольцо на безымянный палец, где оно холодно блеснуло. Злыдень показал ему правую руку – с идентичным кольцом.

– В память о клятве, которую мы принесли, Билли.

– О какой клятве?

– Той самой, когда мы смешали кровь. Только не говори, что забыл.

Билли мрачно покачал головой. И Злыдень холодно взглянул на него. Потом улыбнулся и отдал "смит-вессон". Было в этом жесте такое очевидное и обдуманное презрение, точно Злыдень сомневался в способности Билли спустить курок, не говоря уже о том, чтобы в кого-то попасть.

– Где ты остановился? – поинтересовался Билли, стараясь, чтобы вопрос прозвучал небрежно.

– Рядом. – Злыдень, зевнув, потянулся.

– Отлично. Фантастика. – Билли с шумом сглотнул. – Надеюсь...

– На что?

– Так... – Затем последовала ложь, столь огромная, что Билли едва сумел ее произнести: – Просто... Ты ведь на свадьбу останешься?

– Ну конечно, останусь, Билли.

С грохотом разбивались волны. Хмурое утро становилось все темнее. Положив руку на плечо Билли, Злыдень поглядел ему в глаза.

– Я навсегда останусь.

* * *

Никки с Билли мирно пили по последней на сон грядущий в баре отеля, когда явился Злыдень. Одет он был строго: темный костюм с белой шелковой рубашкой, расстегнутой у ворота. Кивнув вместо приветствия, он улыбнулся обоим, заказал выпивку и остался у стойки.

Билли уже рассказал Никки, что объявился старый школьный друг, вот только не упомянул, что он профессиональный киллер, который убивает незнакомых людей за деньги, а тех, кто ему не по нутру, – бесплатно.

– Почему бы тебе не позвать его к нам? – спросила Никки. – Нормальный с виду парень.

– Да уж, смеху не оберешься, – мрачно отозвался Билли.

Но Никки не слушала, она была слегка пьяна. Подойдя к Злыдню, она пожала ему руку, взяла под локоть и привела к их столику.

– Что-то я не понимаю, – невинно начал Злыдень. – У вас же завтра свадьба. Я думал, сегодня у вас мальчишник и девичник.

– Как будто бы я не пригласил тебя на вечеринку, если бы ее устраивал! – саркастически бросил Билли.

– Такая чушь не по нам, – скала Никки. – Завтра будет длинный, шумный день. А сегодня хочется просто мирно по-

сидеть.

– Отлично. Как только решите, что мне пора, вы сразу скажите.

– Вот уж нет. – Никки тронула его за рукав. – Обязательно останься. Я хочу все про тебя знать. Я ведь даже не знаю, кто ты.

Злыдень объяснил.

– Стив Эллис? – изумилась Никки. – Лучший друг Стив?

– Он самый.

– Билли! Это потрясающе! Почему ты не сказал, что он придет? – Она повернулась к Злыдню. – Ты не поверишь, как часто он про тебя вспоминает!

– Надеюсь, ничего дурного? – фыркнул Злыдень.

– Ну, я знаю, что ты был в тюрьме. Но ведь это было давно.

– Наркотики меня сгубили, – без запинки солгал Злыдень. – А когда я вышел из тюрьмы, понял, что передо мной простой выбор. Я могу или пойти по дорожке преступности и глотания всякой дряни, или делать что-то хорошее. Поэтому я много учился и окончил медицинский факультет.

– Вот это да! – пришла в восторг Никки и повернулась к Билли, который сидел, закрыв лицо руками. – Почему ты мне никогда не рассказывал, Билли?

– Я сам не знал, – кисло отозвался он.

– Как только я получил диплом врача, стал учиться дальше, чтобы специализироваться на лечении наркомании. Открыл собственную клинику, которой руковожу до сих пор. А

в оставшееся время подвигаюсь разъездным представителем Всемирной организации здравоохранения.

– Потрясающая история!

– Просто хотел вернуть свой долг обществу. – Злыдень с улыбкой поднял свой стакан в честь Никки. – Ну хватит обо мне. Как по-вашему, вы станете чувствовать себя другими, когда поженитесь?

– Нет, – хором ответили Билли и Никки.

– Тогда зачем?

– Мы бы не трудились, – объяснила Никки, глаза у нее внезапно потемнели, а взгляд стал жестким. – Но когда Билли начал зарабатывать деньги, мы купили дом, и если наши отношения полетят псу под хвост, я хочу быть уверена, что получу свою половину.

Злыдень рассмеялся.

– Слышал что-нибудь романтичнее? – спросил Билли.

Злыдень оценивающе посмотрел на Никки. Это была красивая женщина с темными, мудрыми глазами.

– Но зачем тогда играть свадьбу в замке?

– Идея была Уильяма, – ответила она. – Он хотел, чтобы мы были как Мадонна с Гаем Риччи.

– Вот только они поженились в настоящем замке, – вставил Билли.

– Живи, пока можешь, – отозвался Злыдень, поднимая свой стакан в тосте им обоим, но глядя только на Билли.

Той ночью шел снег. Лес за отелем светился белым в темноте. Когда Билли с Никки легли и погасили свет, комнату заполнили тишина и льдисто-голубой отблеск снаружи. Они лежали обнявшись, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Когда Билли начал задремывать, Никки вдруг спросила:

– Скажи мне правду. Он ведь не имеет никакого отношения к Всемирной организации здравоохранения, да?

– Не имеет, – вздохнул Билли.

– Ты приглашал его на свадьбу?

– О Господи, нет, конечно!

– Тогда как он узнал, где тебя найти?

– Это долгая история, и я не в настроении ее сейчас рассказывать.

– Скажи мне только одно, у вас с ним была гомосексуальная связь?

– Нет!

– Тогда почему он так на тебя смотрит?

– Как?

– Будто ты его собственность.

– Ты не против продолжить этот разговор завтра?

– Это не разговор, Билли. Нет у нас никакого разговора. Потому что ты отказываешься о чем-либо говорить.

– Тогда зачем мы женимся?

– Откуда мне знать?

Билли промолчал, но про себя подумал: "Отвали. Я от тебя уйду: малейшая улыбочка от первой встречной, хотя бы от уродины, и ищи-свищи!"

Из-за открытой двери в соседнюю комнату апартаментов для новобрачных доносилось мягкое посапывание Мэдди. Билли долго лежал без движения, пока дыхание Никки не стало ровным. Когда она явно заснула, он расслабился настолько, чтобы задремать. Был почти час ночи. Все скрипы, шаги и звуки спускаемых туалетов в отеле понемногу замерли. Тишина стала глубокой, точно в здание проникла метель.

В полудреме он вдруг подумал про Мэдди и спросил себя, достаточно ли она тепло укрыта.

Выбравшись из кровати, Билли пошел в соседнюю комнату. Уже стоя над кроваткой со спящей дочкой, Билли мельком бросил взгляд вправо и увидел, что в кресле у балконной двери сидит Злыдень. Одет он был в длинный плащ, на коленях лежал обрез. Из окна с раздернутыми занавесками падал белый отблеск метели.

– Господи Иисусе! – вырвалось у Билли.

Тут он сообразил, что совсем голый. Прикрывая одной рукой пах, он включил ночник возле кроватки.

Злыдень приложил палец к губам.

Потом встал и открыл балконную дверь. В комнату влетел и затряс рамы порыв ледяного ветра.

Кивнув Билли, Злыдень ступил на балкон. Потянулись секунды. Наконец Билли стало любопытно, и он высунул голову за дверь. На балконе никого. Апартаменты находились на четвертом этаже. Куда отсюда можно деваться? Однако Злыдень исчез.

Билли всю ночь просидел у кровати Мэдди, слишком издерганный, чтобы вернуться в постель. Он чувствовал себя больным. Он не мог поверить в свое невезение.

Злыдень вернулся. Не успеешь оглянуться, начнут умирать люди.

* * *

На следующий день после полудня Уильям Эдвин Дай наконец поступил по-мужски, женившись на Никколь Мей Бурн. Перед самой церемонией Билли принял синтезированный препарат, вызывающий привыкание, чтобы как-то перенести испытание и подбодрить себя после бессонной ночи. Он был так счастлив, что от него ускользнула серьезность приносимой клятвы. Он был рад жениться на любой женщине, не важно на какой.

Церемонию совершила мировой судья Патриция Иззард. Она оказалась терпеливой, элегантной и доброй, а совсем не приземистой слугой закона с дурным запахом изо рта, как того ожидал Билли. Свидетелями стали Лорна Бурн, сестра вышеупомянутой Никколь, и Роджер Олтон, деверь Билли.

Отношения у них с Билли не ладились, но Билли решил, что свидетель из него выйдет, как из любого другого.

От шафера Билли отказался. Его единственный настоящий друг, продажный полицейский Тони, таинственным образом исчез, пока Билли жил у Злыдня. Казалось черствым искать замену (ведь шафером должен быть лучший друг) только потому, что настоящий пропал, предположительно мертв.

Билли был одет в костюм (впервые в жизни), а Никки блистала в платье из черного атласа, ее длинные темные волосы были забраны в высокую прическу, чтобы оттенить точеные скулы. Все говорили, что невеста выглядит очаровательно, а жених – так, будто действительно потрудился принять ванну. После церемонии и снимков на память все отправились обедать.

Многие гости воспользовались плохой погодой как предлогом не приезжать. Зал был наполовину пуст. Билли и Никки сидели за длинным столом с ближайшими членами семьи. Их дочка Мэдди красовалась между ними, заточенная в высоком детском стульчике.

Ко всеобщему удивлению, Роджер настоял на том, чтобы произнести речь.

– Я знаю Уильяма... Билла... с тех пор, как ему исполнилось семнадцать. И с легкостью и не боясь услышать ни слова возражения, скажу, что, женившись на Никки, он совершил единственный здравый поступок за все это время...

Аплодисменты и смех.

По причинам, известным ему одному, Роджер явился в килте цветов клана Кэмпбеллов. Билли это показалось немного странным. Роджер не имел никакого отношения к Кэмпбеллам, хотя, возможно, как-то съел банку супа фирмы "Кэмпбелл". С другой стороны, он был истинным главой отряда бойскаутов и большую часть жизни проводил в шортах, выставляя напоказ волосатые ноги.

Билли спросил себя, не ноги ли тут связующее звено. Может, Роджер скрытый извращенец? Наверное, так, ведь только извращенец может спать с сестрой Билли Кэрол, которая вечно носила платья в цветочек с оборками. Сегодня ее волосы были забраны в высокую прическу – наподобие принцессы Маргарет. Кэрол напоминала Билли "степфордскую жену"², но чудовищно неудавшуюся.

Тем не менее он любил сестру. Он даже любил ее мужа. Но еще больше он любил их сыновей-подростков Марка и Криса, в которых (в отличие от их родителей) еще можно было распознать живые организмы. У Билли сердце кровью обливалось при виде мальчишек, на которых напялили одинаковые костюмчики и которые ужасно стеснялись пьяных излияний отца.

– Когда я познакомился с этим молодым человеком, –

² Отсылка на комедийный триллер «Степфордские жены» (1975, римейк, 2004) о совершенных и покладистых женах, которые на самом деле оказываются роботами.

продолжал Роджер, – ему нравилось считать себя бунтарем. Ему и в голову не пришла бы мысль о браке, так он боялся любого конформизма. Но тогда он не ценил – и, надеюсь, понял это сейчас, – что конформизм может быть очень даже приятным. Возможно, нам придется попроситься (и кое-кто возблагодарит за это Господа) с Уильямом-бунтарем, но, хочется думать, вы все присоединитесь ко мне, чтобы сердечно поприветствовать Уильяма – благонаправного, ответственного супруга.

В свое время Билли, возможно, закричал бы: "Отвалите! Я все еще бунтарь. Просто теперь я женатый бунтарь. А ты белобрысая задница!" Но сегодня банальности Роджера скатывались с него как с гуся вода.

Он был слишком занят мыслями о Злыдне, предвестнике смерти.

О человеке, который считал убийство актом милосердия. Когда упоение начало спадать, в голове у Билли стали возникать яркие картинки. Он знал, что эти мимолетные видения связаны со Злыднем и предстоящей ночью. Билли постарался их вытеснить, но они все возвращались. И перед глазами вставало одно: бальный зал отеля, заваленный искромсанными телами.

* * *

Кузина Никки, учительница музыки в Исландии, привез-

ла с собой на свадьбу джаз-рок-музыкантов из Рейкьявика. В Исландии джаз-рок, наверное, еще считался смутно опасным. Музыка была громкой и не слишком подходила для танцев. Но Билли решил, что это не имеет значения. К шести часам он был слишком взвинчен, чтобы танцевать, и довольствовался тем, что болтал с гостями. Его дядя Барт уже говорил гадости о своей жене Оливии.

– Видишь прожженное место у меня на воротничке? – ну-дид он. – Это все Оливия. Забыла выключить утюг. Совершенно новая рубашка из "секонд-хэнда"...

Отец Никки, разгильдяй и тупица Кейв, счел своим долгом продолжить замечательную традицию свадебного идиотизма: делать вид, будто танцуешь с ребенком. Означенным ребенком была Мэдди. Кейв был настолько безобразным, что незнакомые постоянно принимали его за Ника Хорнби³. А его жена Мэриан была еще хуже. И, невзирая на свое уродство, эти двое не смогли устоять перед сексом друг с другом. Плодом его стало чудо: две красавицы Никки и Лорна. Так и в милосердие вселенной поверить недолго.

Мэдди, у которой было лицо матери и хмурый взгляд отца, смотрела, выпучив глаза, поверх плеча Кейва. Кейв не знал, но Мэдди пустила ему слюну на пиджак, теперь у него по спине тянулись блестящие нити, точно прополз большой слизняк.

³ Английский писатель, автор многочисленных бестселлеров об одержимости спортом и музыкой.

Мэриан, далеко не самая большая поклонница Билли, подошла размазать по его щекам помаду. На голове у нее красовалась шляпа, похожая на жертву аборта в закоулке. В глазах стояли слезы.

– Знаю, знаю, у нас случались разногласия, но, надеюсь, теперь с ними покончено. Надеюсь, я не приобретаю дочь, а теряю сына.

– Может, вы хотели сказать обратное? – спросил Билли.

Объявился литагент Билли Фэтти Поттс, который пугающе быстро подружился с его деверем.

– Спасибо, что успел в Лондоне кончить, – сказал ему Билли.

– Разве? А я и не знал, что мне так повезло! – расхохотался Поттс.

Роджер прокричал что-то, прозвучавшее как "Нет невеста!".

– Где? – Билли огляделся по сторонам.

Встав, Роджер повторил свой вопрос, на сей раз проорав его Билли в ухо:

– Где невеста?

Билли вынужденно признал, что понятия не имеет. Роджер доверительно поведал Фэтти Поттсу, что это отличное начало для счастливого брака. Фэтти едва не обделался со смеху.

Вдоль крыши отеля тянулась невысокая декоративная крепостная стена с зубцами. Табличка на двери пожарной лестницы, которая вела на крышу, гласила, что гостям туда доступ закрыт и что открывание двери автоматически включает в вестибюле сигнализацию. Это была ложь: Билли с Никки уже несколько раз пробирались туда, не поднимая никакого переполоха.

Сейчас Никки, все еще в свадебном платье, стояла там одна, глядя на море. Ветер растрепал ей прическу, она плакала. Уже некоторое время Никки чувствовала, что живет не той жизнью. Нет, не плохой, просто чужой. У нее был новый дом, который она сама обставила. У нее был огромный сад, засаженный, ухоженный и готовый расцвести с началом весны. Но в глубине души она чувствовала себя мертвой, будто ей чего-то не хватает.

Не в том дело, что она не любила Билли или их дочку, просто она питала какие-то смутные надежды, а вышло совсем другое. А теперь, уже замужем за Билли, она еще сильнее ощущала эту неправильность.

– Эй! – окликнул позади нее голос. Мужской.

Никки было холодно, она была пьяна и потому не испытала страха, только лишь некоторое любопытство, и повернулась посмотреть, кто ее зовет. Это был Стив, друг Билли. Он

стоял позади нее, одетый в тот же костюм, что и вчера. Его лицо казалось серьезным и задумчивым. Как и у нее, голова и плечи у него были присыпаны снегом.

Стив смотрел на нее и медлил, потом поднял руку и пальцем стер со щеки слезинку. Всклипнув, она кивнула и упала ему на грудь. Температура была ниже нуля, но Стив показался ей очень теплым. Сняв пиджак, он завернул в него Никки.

– Тебе лучше спуститься, – сказал он. – Тут небезопасно.

Никки подняла глаза. Он не отрываясь смотрел на море, словно чувствовал, что там что-то поджидает. И его тон ее напугал.

– Спускайся, – повторил он.

В холодных темных глазах не было ни тени ободрения. Вернув ему пиджак, она пошла к двери пожарного выхода, несколько раз оглядывалась посмотреть, последует ли он за ней. Стив так и остался спиной к ней, пиджак свисал у него из левой руки, правая сжимала пистолет, а сам он пристально всматривался поверх зубчатой стены во что-то внизу.

* * *

Билли заметил, что Никки плакала, но не спросил почему. У него было такое ощущение, что ответ ему не понравится.

Чуть позже, когда Билли танцевал со своей молодой женой, в бальный зал вошел и сел в углу Злыдень. Билли пытался танцевать как Джон Траволта в "Криминальном чтиве"

– не он первый совершил такую ошибку. Потом он заметил, что из угла за ним, как кошка за мышкой, наблюдает Злыдень. Билли похолодел, словно к загравку ему приложили кусок льда. Выражение на лице у Злыдня было убийственное. Билли знал, что танцует дерьмово, но не настолько же плохо!

Сперва бросили танцевать Билли и Никки, потом все остальные. Праздник почти сдох, словно ровнехонько на середину зала выкатилось предынфарктное сердце. По всему помещению распространялись прямо-таки токсичные волны ненависти. Мало кто способен вобрать в себя такое и остаться в живых.

Первыми ушли спать сестра Билли и ее семья. С ними уплелся Фэтти Поттс. Их уход придал храбрости дальним родственникам. Сочтя, что не знают Билли и Никки достаточно хорошо, чтобы рисковать быть выпотрошенными исхудалым психопатом, двоюродные дедушки и незамужние тетушки, друзья и соседи начали исчезать группками по трое или четверо.

Билли пошел в уборную. В мужском туалете было пусто. Он был сильно пьян. Стоя над писсуаром, прислоняясь лбом к холодным плиткам, он слушал, как булькает в трубах. Когда дверь со скрипом открылась, Билли повернулся, ожидая увидеть Злыдня. Но это был один из кузенов, которого Билли едва знал. Оба обменялись робкими кивками, смущаясь, что очутились вот так, бок о бок в общественном месте с

расстегнутой ширинкой.

Когда Билли вернулся в зал, ему показалось, что он опустел еще больше. Злыдень сидел на прежнем месте, излучая чистейшую ненависть.

К Билли подошел дядюшка Никки спросить, что это за хмурый маньяк сидит в углу и не позвать ли службу безопасности отеля. Тут Билли признался, что человек в углу не беглый псих, а его друг. И вообще он никому не угрожает. А дурной глаз – еще не караемое законом преступление.

Оркестр мужественно сыграл еще несколько песен, пока и музыканты тоже не пали жертвами эпидемии страха. Солист сломался на середине "Мустанг Сэлли": просто перестал петь и сел на усилитель. Музыканты опустили инструменты. И не важно, что им заплатили играть до полуночи, до которой осталось всего двадцать минут. Атмосфера в бальном зале стала невыносимой. С них хватит. Они даже не предложили последний танец, потому что никто не танцевал. Просто сложили в спешке свое оборудование, так им не терпелось убраться отсюда, пока не произошло что-то ужасное. Наконец, дезертировала даже Никки, неразборчиво пробормотав, мол, надо проверить, как там Мэдди.

Чрезмерно усердный официант погасил половину ламп. И ушел, оставив Билли наедине со Злыднем. Поднявшись, Злыдень вышел на середину, теперь они стояли одни посреди бального зала. Оказавшись лицом к лицу, они несколько минут молчали.

– Мне нужно, чтобы ты пошел со мной, – сказал Злыдень.

И, повернувшись, вышел из бального зала. Билли подождал с полминуты, но все-таки поплелся следом. Спустившись по лестнице в вестибюль, они кивнули заспанному ночному портье, который открыл им дверь в заснеженную пустоту.

Оставляя глубокие следы в нетронutom чистом снегу, они пересекли стоянку. Спокойствие снизошло на Билли. Он не написал завещание. Но теперь, когда он женат, все его материальные ценности, все будущие роялти за книги автоматически перейдут к его жене и наследнице.

С темно-серого неба падали, кружа, огромные кристаллы. Билли запрокинул к ним лицо, спрашивая себя, почему только одна из шести снежинок ложится на кожу влажной. За стоянкой тянулась стена, ограждавшая территорию отеля, за ней шла проселочная дорога, а дальше маячил на холме темный лес. Когда Злыдень перелез через стену, Билли коротко задумался, не побежать ли ему назад, чтобы поднять тревогу. Но счел, что этим лишь подпишет смертный приговор жене и дочери.

На склоне холма снег лежал глубже. Тонкие кожаные туфли Билли сразу промокли. Он оскальзывался на каждом шагу, а Злыдень все поднимал и поднимал его – скорее как проводник, чем как палач. Они ступили под сень елей, корни которых закрывал жутковатый белый ковер.

Они все шли, задевая ветки, все больше намокали, все

больше мерзли. Билли увидел на земле крепкий сук и задумался, не нагнуться ли за ним, чтобы использовать как дубину. Но сомневался, что удастся так убить Злыдня. Скорее всего такая выходка только еще больше его разозлит.

Наконец они вышли на большую поляну, куда уже не ложились тени елей. Снег падал вертикально, закрывая небо. Со всех сторон поляну обступили деревья. Сквозь густую метель Билли взгляделся в край поляны. Приблизительно в ста ярдах его поджидало жуткое зрелище: будто бы лунатик придумал "снежный шар", спрятал под стеклом гнусность вместо Деда Мороза или сказочного домика.

В центре поляны стояла молодая ель футов двенадцати высотой. С одной ее ветви, словно чудовищное елочное украшение, свисал мертвец. Он висел вниз головой, одну его ногу стягивала петля, другая зацепилась за соседнюю ветку, пальцы рук почти касались земли. Одет он был как охотник или траппер: в толстую парку, крепкие сапоги, кожаные митенки и вязаную шапку. Горло у него было перерезано, и залившая глаза и рот кровь походила на присыпанную сахарной пудрой патоку.

Билли не хотелось смотреть, но он ничего не мог с собой поделать. Рот мертвеца раззявился. Глазные яблоки словно покрылись слоем глазури. На высунувшийся язык ложились снежинки. За всю свою жизнь Билли видел только два трупа. Этот был вторым. В обоих случаях случилось это в обществе Злыдня.

– Кто это? – спросил Билли.

– Не знаю, – отозвался Злыдень. – Я надеялся, ты мне скажешь.

Единым плавным движением Злыдень извлек откуда-то огромный нож с широким лезвием. Билли глянул на нож, потом на Злыдня.

– Теперь мой черед?

Злыдень серьезно кивнул.

Ветер закружил вихрь снежинок вокруг головы Билли Дая. Думать он в этот момент мог только о дочери. Он жалел, что никогда не увидит ее взрослой, не доживет даже до ее второго дня рождения. Но к грусти примешивалось несомненное облегчение.

Никогда больше не придется чистить зубы или расчесывать волосы. Никогда больше не придется вставать утром или беспокоиться из-за денег, желать недостижимого или сожалеть о чем-либо. Он никогда не заболеет и не состарится.

Определенно, у смерти есть свои плюсы.

Глаза Злыдня темнели в запавших глазницах, отчетливо выступали скулы, он смотрел сверху вниз на Билли.

Потом мгновение миновало.

Отвернувшись, Злыдень схватил труп за голову и поднял ее. Шапка упала, открывая реденькие спутанные волосы. Правая рука Злыдня быстро задвигалась из стороны в сторону.

Вначале Билли словно опьянел от облегчения. Потом по-

добрался поближе и понял, что Злыдень отпиливает у трупа голову.

– Господи Иисусе! – вырвалось у него.

Не обращая внимания на этот протест, Злыдень продолжал перерезать мышцы и сухожилия.

– Зачем ты это делаешь?

– Хочу знать, кто он. Обычно я делаю фотографию. Но у меня нет с собой камеры.

Что-то хрустнуло, и голова отделилась от шеи. Убрав нож, Злыдень достал из кармана фонарик и осветил в лицо мертвецу. Лицо было самое заурядное: толстое, грубое, бородатое, а выражение на нем – крайне удивленное.

– Уверен, что не знаешь его? – спросил Злыдень.

– Определенно. – Билли отпрыгнул, когда голова качнулась в его сторону. – И держи эту чертову штуку от меня подальше.

– Ладно. Но сделаешь мне одолжение? Не посмотришь повнимательнее?

– Ну уж нет!

– Я ничего тебе не сделаю.

Билли неохотно наклонился, и тут Злыдень ткнул отрезанной головой в лицо Билли. Их губы соприкоснулись в ледяном поцелуе. Билли отдернулся, чтобы заорать, тогда Злыдень схватил его за шею и повторил всю процедуру.

– Билли, познакомься с Никто. Никто, познакомься с Билли.

Бессмысленно молотя кулаками воздух, Билли наконец вырвался и растянулся на земле, рыгая и растирая снегом губы, чтобы смыть вкус разъявленного рта.

– И что ты за сволочь! – сказал он, когда перевел дух. – Просто убей меня, и покончим с этим. Так мне хотя бы не придется больше на тебя смотреть.

– С чего это ты все время твердишь, что я тебя убью? – поинтересовался Злыдень.

Повернувшись на каблуках, он сердито зашагал назад в лес. Билли неохотно поплелся следом. Потревоженные Злыднем тяжелые от снега ветви били его по лицу.

– Так мы что, будем как раньше, да? – крикнул Билли. – И сколько человек умрет на сей раз?

– Не могу тебе сказать, Билл. Какой же тогда сюрприз?

– Кто дал тебе право портить мне жизнь? – заорал Билли.

– Это ты портишь людям жизнь, Билл. Уже по меньшей мере двадцать человек погибли из-за твоего длинного языка!

– Ну да! А кто их, черт побери, убил?

Они уже вышли на опушку. Внезапно остановившись, Злыдень вытянул левую ногу. Споткнувшись, Билли головой вперед покатился со склона. Остановился он у дерева – постанывая и держась за голову. Спустившись к нему, Злыдень раскурил элегантный косяк и опустился рядом с Билли на колени, прислонив голову удивленного мертвеца к стволу. Злыдня, казалось, происходящее ничуть не беспокоило, скорее забавляло.

– Так ты правда не знаешь, кто был этот невзрачный бедолага?

– Нет, – буркнул Билли.

Злыдень протянул ему косяк, но после первого же глубокого пыха Билли закашлялся. Злыдень сухо хохотнул.

– Что тут смешного? – вскинулся Билли.

– Твое лицо. Когда ты увидел меня на пляже. Вот и говори после этого про шок.

– Я вовсе не удивился. Я знал, что ты приедешь.

– Чушь.

– Конечно, знал, черт побери. Ты же прислал мне открытку.

– Какую открытку?

– Вот только не надо придуриваться. Треклятую поздравительную открытку к свадьбе в духе Франкенштейна.

– Я открыток не посылаю, – сказал Злыдень. – В жизни ни одной никому не послал.

– Ты не только сволочь, а еще и лжец.

– Я никакой открытки не посылал.

Вот это Билли изумило, а Злыдень не унимался:

– Какую открытку? Покажи.

– У меня ее нет. Я ее сжег.

– Все тот же идиот, как и раньше, – качнул головой Злыдень.

Выватив у Билли косяк, он подобрал голову мертвеца и пошел прочь. Поднявшись, Билли кое-как спустился по

склону. Злыдень двинулся по дороге и сейчас шел вдоль стены, прочь от отеля. Высокая, целеустремленная фигура, голова наклонена против ветра, в правой руке покачивается человеческая голова.

– И это все? – крикнул Билли. – Ты возвращаешься, портишь мне хренову свадьбу, пугаешь меня до чертиков, а потом просто уходишь?

Злыдень не остановился. Даже не обернулся.

– Псих, – пробормотал себе под нос Билли.

Опустив глаза, он увидел большой камень, наполовину присыпанный снегом. Наклонившись, он выковырял его из мерзлой земли. По всему его телу пробежала дрожь: Билли решил покончить с кошмаром. Доделать то, что попытался и не сумел раньше.

Злыдень уже скрылся из виду, но его свежие следы уходили в белую ночь. Билли оставалось лишь пойти по ним. Он поспешил вперед. Снег лежал неожиданно глубоко, Билли проваливался в него до середины икры. Сладкий морозный воздух наполнял легкие.

След Злыдня все тянулся и тянулся впереди – глубокий и четкий. Длинные отпечатки, оставленные огромными крепкими ботинками.

Прошла минута. Билли слышал только собственное дыхание. Он отдувался как мальчишка во время кросса.

Густой снег запорашивал глаза, и куда ни глянь, видно было лишь на несколько дюймов во всех направлениях. Холод-

ная жижа в туфлях обжигала ноги. Правая рука почти онемела. Сжимавшие камень пальцы покраснели.

В любую секунду он ожидал увидеть впереди знакомую худую фигуру, помахивающую своей жуткой ношей. Но видел лишь глубокие отпечатки ног и белую пелену. Остановившись, Билли прислушался, стоял так тихо, что слышал, как ложатся на одежду снежинки.

Впереди раздался какой-то звук. Определенно скрип снега под ботинками.

Он уже близко. Очень близко.

Один решительный рывок. Большого и не понадобится. Билли прибавил шаг, спотыкаясь и оскальзываясь на снегу, лицо у него пылало от усилий.

Но Злыдень всегда оставался впереди.

Всегда вне досягаемости.

Всегда за гранью.

2

*О, отведи жестокие глаза,
Погибели моей звезды.*

Томас Стенли (1625-1678). «Возвращение к былому»

С тех пор как Злыдень наставил на него пистолет, у Лола Шепхерда было худо с нервами. Впрочем, и до того при-
скорбного события с ними было не слишком хорошо. В мо-
лодости Лол приобрел печальную известность своей мане-
рой подпрыгивать при малейшем звуке. Он не мог взять со
стола чашку с блюдцем без неизменного дребезжания или
перенести напиток через комнату, его не разлив, а что до
расстегивания крючков бюстгальтера... ну... забудьте...

Когда-то Лол работал на Малькольма Пономаря. До самой
смерти Пономарь был грозным главой "Пономарчиков", бан-
ды, заправлявшей Манчестером. У большинства гангстеров
есть сентиментальная жилка, и Пономарь не был исключе-
нием. Сочтя дрожание Лола странно подкупающим, он на-
нял его водить свой личный лимузин, выгуливать пса и иг-
рать роль доверенного слуги. Это были легкие деньги, кото-
рым по идее полагалось стать еще более легкими после того,
как Злыдень застрелил пса.

Но Лол был добрейшей души человеком, который за всю
жизнь намеренно ни пенса не украл и мухи не обидел, и

столкновение с убийцей в светлом колпаке темной ночью его доконало. Что Злыдень (по всей видимости, из каприза) оставил Лолу жизнь, не имело ровным счетом никакого значения. Доверие Лола ко вселенной и без того было хрупким. А в тот момент рухнуло окончательно.

Лол боялся выходить из дома. Боялся темноты. А больше всего боялся засыпать. Но как это ни странно, жил он не в изоляции. Его многие навещали: люди приходили к нему за советом, ценя его долгую память и энциклопедические знания манчестерского дна.

Неделю назад, например, явился Шеф собственной персоной и принес апельсины. Лол догадался, что Шеф выбрал апельсины потому, что дон Корлеоне в "Крестном отце" всегда покупал апельсины. Шеф пришел к Лолу за советом. Иногда ради того же заглядывал Маленький Мальк. Лол тщательно следил за своими словами, стараясь не повторить одному услышанное от другого. Ведь, как говорится, на войне длинный язык может стоить жизни.

Каждую среду старшая дочь Лола Джулия заезжала за ним по утрам, чтобы отвезти в супермаркет за покупками и на кладбище поменять цветы на могиле Вайолет. Вайолет, вторая жена Лола, скоропостижно скончалась несколько лет назад. Не настолько внезапно, как жертвы Злыдня, но все-таки. Коронер обвинил эмболию. Лол по сей день не знал, кто это такая.

Вайолет похоронили на кладбище в Норбери. Пока Лол

ходил на могилу, Джулия ждала в машине. Сегодня шум и толкотня в супермаркете оказались ему не по силам: Лолу пришлось сидеть в кафе, угрюмо дуя на куриный бульон, пока Джулия сновала по проходам, накладывая в тележку продукты и вычеркивая записанное из списка.

День выдался не холодный, но Лол все равно доверху застегнул коричневый пуховик. Голову ему прикрывала мягкая фетровая шляпа. И пуховику, и шляпе было по меньшей мере лет тридцать. Старые вещи Лола успокаивали и утешали.

На кладбище он чувствовал себя в безопасности. Похороненные здесь покойнички не станут пихаться или чего-то от него требовать. Утро выдалось ясное. Светило, пригревая, зимнее солнышко.

Но и оно не могло забраться в самые хмурые уголки кладбища. К основанию кладбищенской стены льнул нарастающий снег, а гравий вокруг могилы Вайолет был покрыт тонкой корочкой льда. В знак уважения Лол снял шляпу.

Надпись на надгробии Вайолет гласила:

Вайолет Шенхерд (1932 – 1999)

Любимая жена Лоренса (Лола)

Горячо оплакиваемая мать Джулии и Сюзанны

Если слезы сложатся во взлетную полосу,

А любовь сотворит самолет,

На небо отправлюсь я в полет

И вновь тебя на землю принесу.

А у подножия:

Надгробие предоставлено – по доброте душевной – Малькольмом Пономарем

Дочери Лола сочли, что выбивать имя Пономаря на надгробии матери – дурной тон, но Лол настоял. Пономарь оплатил не только камень, а все похороны. Никто больше не предложил, и у Лола ведь нет счета в банке. Малькольм поставил лишь одно условие: чтобы его щедрость увековечили в камне. Кто такой Лол, чтобы отказывать?

Вынув из вазы засохшую хризантему, он заменил ее на свежую. Даже забавно, как он скучает по жене. А ведь жить с ней было не сахар. Когда возраст Лола и его привычка к спиртному взяли свое, наградив его носом, как алая электролампочка, она то и дело указывала людям на этот его недостаток.

– Только посмотрите на его нос, – жаловалась она подругам. – Такое даже не запудришь.

Но, как это ни странно, ее отсутствие не принесло ожидаемой радости.

Лол встал, собираясь уходить. В тени было холодно, и Лол был не из тех, кто произносит речи мертвым наподобие Джимми Стюарта⁴. Когда он распрямился, колени у него скрипнули. Лол со вздохом повернулся.

⁴ Один из лучших актеров на амплу героя «Золотого века Голливуда», известный русскому читателю, в частности, по фильму Альфреда Хичкока (1908 – 1997) «Боязнь высоты».

И увидел перед собой Злыдня.

Из горла Лола вырвался звук, какой издает маленькая собачка, когда просится на улицу.

На Злыдне были тот же колпак палача и длинный черный плащ, как и в ночь бойни. Пятеро умерли тогда: все работали на Малькольма Пономаря, некоторые были друзьями Лола.

– Помнишь меня? – спросил человек в колпаке, столь же холодный и неумолимый, как кресты и могилы. В руке у него была сумка с логотипом гастронома "Сейсберис".

Лол сумел только кивнуть. Он уловил очень нехороший запах, как от гнилой капусты и дерьма.

– Извините. Мне нужно...

– Что?

– Мне нужно принять таблетку, – хрипло сказал Лол, тыча себя в сердце.

Достав из кармана белый пузырек с нитроглицерином, Лол попытался отвинтить крышку. Но у него слишком сильно дрожали руки. Положив сумку на землю, Злыдень отвернул крышку и протянул одну маленькую белую таблетку Лолу. Лол забросил ее под язык. На глаза у него навернулись слезы. Злыдень не мог бы сказать, было ли это от холода, страха или от усилий вздохнуть.

– Лучше? – спросил он.

– Да, спасибо. – Лолу пришлось прикусить язык, чтобы не добавить "сэр".

– О'кей, – отозвался человек в капюшоне.

Он наподдал ногой сумку, и оттуда выкатился белый футбольный мяч, который остановился у ботинка Лола. Выглядел он как неопрятный муляж человеческой головы из папье-маше. Кожа – слишком бледная, глаза – слишком стеклянные, нет, явно не настоящая. Потом Лол вдруг сообразил, что смрад исходит как раз от головы и что волосы и щетина, обрамляющие удивленное лицо, не подделка.

– Знаете, чье это?

– Нет! – выдохнул Лол. – О Господи!

– Взгляните налицо.

– Пожалуйста. Мне нужно домой...

– Взгляните.

Щурясь, Лол заставил себя рассмотреть оплывшие черты.

– Никогда его не видел.

– Он не из "Пономарчиков"?

– Нет. Их я всех знаю.

– Даже новеньких?

– Я еще поддерживаю связь с Шефом. О Боже... прошу прощения. – Лол издал оглушительное рыгание. – Этого типа я не знаю.

– Шеф меня еще ищет? – спросил Злыдень.

– Нет. Сначала боялся. Он хотел, чтобы убийства прекратились...

– Но?

– Но многие – нет. Я хотел сказать, многие вас ищут. Пятьдесят тысяч – большие деньги.

– Думаю, вам лучше рассказать. С самого начала.

Лол ждал. Его длинное лицо сделалось пепельно-серым. Тело содрогнулось. Со стоном отчаяния он схватился за сердце и согнулся пополам. Когда он поднял голову, Злыдень уже исчез. Поглядев на ворота кладбища, Лол увидел, что к нему бежит дочь – спешит, насколько несут ее тушку толстые ноги.

* * *

В ту ночь нервы у Лола совсем расходились. Он не мог сосредоточиться ни на одной телепередаче и подскакивал от малейшего шума. Любые шорох и скрип бередили воображение, и все кровавые фантазии заканчивались одинаково.

Сначала он стоит на коленях и молит о пощаде.

К затылку приставлен пистолет.

Потом кровь и мозги фонтаном вылетают у него изо лба.

Искушение позвонить Шефу было крайне велико, но Лол цеплялся за один непреложный факт. Случай дважды сводил его со Злыднем. И дважды Злыдень оставил ему жизнь.

В "Пономарчиках" Лол так и не поднялся дальше шофера. Недотягивал даже до роли водителя на ограблении, не доверили ему и крутить баранку, когда банда ездил в дом Злыдня. Он был всего лишь шофером Малькольма Пономаря, его матери и пуделя. Возможно, поэтому и выжил. Он не солдат. Он гражданский.

Но если он скажет Шефу, что Злыдень вернулся, то станет доносчиком. А доносчики, невзирая на свой гражданский статус, как правило, умирают.

В постель Лол лег около десяти, надеясь, что сон прогонит дурные воспоминания о прошедшем дне. Но не смог заснуть. Он лежал в темной квартире, вслушиваясь в ночные звуки. Всякий раз, когда по улице проезжала машина, по стене его спальни проносились сполохи света.

Он слышал телевизор из соседней квартиры: серьезное, напыщенное бормотание журналиста из зоны какого-то военного конфликта.

Снаружи открылась входная дверь. Звякнули бутылки из-под молока. Кто-то позвал кошку.

Где-то в вышине пролетел самолет.

По далекому железнодорожному мосту прогремел поезд.

Такое впечатление, что, кроме него, никому на свете спать не хочется.

Лол лежал на спине, потел, нервничал и трясся.

Наконец квартал затих, и Лол задремал. Разбудил его слабый толчок. Приоткрыв глаза, он оторвал от подушки голову и увидел смутный силуэт. Кто-то сидел у его кровати.

– Мы не закончили разговор, – произнес мужской голос.

"Прошу тебя, Господи, пусть это будет сон!"

– Вы сказали что-то про пятьдесят тысяч? – не унимался голос.

Тут Лол понял, что это наяву. Что Злыдень вернулся, а с ним вонь смерти и разложения.

– Награда, – объяснил Лол.

– Какая награда?

– Малькольм Пономарь-младший назначил награду за вашу голову. Пятьдесят тысяч фунтов за информацию, которая приведет к вашему убийству или поимке.

– Почему?

– Он считает, что вы убили его отца.

– Я его отца не трогал.

– Я знаю. Но он думает, что это вы. Удивительно, что до вас это не дошло. Я думал, это общеизвестно.

– Я был в отъезде. Кажется, мне многое нужно наверстать. – Повисла тишина. – Вернемся к тому, что я вам показал. Как по-вашему, это мог быть какой-то охотник за головами?

– Да.

– Кому отдали мою работу, знаете?

– Прошу прощения?

– Не играйте со мной в игры, иначе я очень рассержусь.

Лол закашлялся.

– Шеф мне такого не рассказывает.

– Я не спрашивал, что вам рассказывает Шеф, – произнес голос из темноты. – Я спросил, что вы знаете.

Лол с трудом сглотнул.

– Могу передать лишь слухи. Только имя. Это все, что у

меня есть.

– Продолжайте.

– Дух. Сокращенное от Дух Тьмы.

– Что это значит?

– Понятия не имею, – признался Лол, а про себя подумал.

"Если уж на то пошло, что значит "Злыдень"?"

– Мое имя значит, что те, кто меня расстроил, обычно умирают.

Лол вздрогнул: этот монстр умеет читать мысли.

– Если расскажете кому-нибудь, что меня видели, – мягко продолжал Злыдень, – я убью вас и всю вашу семью. Вы в этом сомневаетесь?

– Нет... нисколько.

С бесконечной медлительностью тень отступила от кровати, пока не коснулась стены, в которой словно бы растворилась. Никаких шагов Лол не услышал. Никакие двери не отворились и не закрылись. Но смрад остался. Много, много времени прошло, прежде чем Лол набрался смелости сесть и нашарить выключатель прикроватной лампы.

Когда зажегся свет, первым, что увидел Лол, была белая разлагающаяся голова с пустыми выпученными глазами. Голова стояла на матрасе в изножье кровати. А на ней красовалась его фетровая шляпа.

3

*Так останься, любовь дорогая,
Сбежавшая так от меня.
Беги со всех ног, золотая,
Тебе не уйти от меня.*

Автор неизвестен

При свете дня, опустив окно, Злыдень медленно полз в автомобиле мимо клуба, где правил бал Маленький Мальк. Ехал он на черном «BMW», ведь такая машина в этих краях в глаза не бросается.

Было позднее утро. Где-то поблизости жарили в масле лук с чесноком. Под мягким солнышком снег на улице превращался в серую кашу. Клуб Маленького Малька помещался в гигантском перестроенном складе у реки: фасад из тонированного стекла и слово "ДИВА" неоновыми огнями над входом. У дверей сейчас стоял большой грузовик доставки. Курчавый толстяк помогал водителю выгружать какие-то картонные коробки и ящики.

Объехав квартал, Злыдень вернулся – все еще на малой скорости и хмурясь, точно заблудился. На сей раз он мельком заметил круглолицего типа лет сорока в джинсах и консервативной рубашке с короткими рукавами. В нем Злыдень тут же узнал Малькольма Пономаря-младшего, среди друзей и подельников известного как Маленький Мальк. Злы-

день никогда не встречался с Маленьким Мальком лично, но недавно видел его по телевизору: это была программа по сбору денег для "Солнечного Зайки Малькольма Пономаря", фонда выходного дня для больных детей, который Маленький Мальк учредил в память об отце.

Маленький Мальк дружески болтал с водителем, который протянул ему планшетку с бумагами и ручку. Курчавого толстяка нигде не было видно. Подняв глаза, Маленький Мальк заметил Злыдня. В его взгляде не было решительно никакого интереса. Через долю секунды он снова сосредоточился на накладной, где росчерком поставил подпись с таким видом, словно бросал копье.

Лучше шанса и не придумаешь. Сейчас улица была пуста, но еще двадцать секунд, и ситуация изменится. Водитель будет сидеть у себя в кабине, лениво проверяя дальнейший маршрут или посылая жене срочную "эсэмэску": "Сижу в кабине". Маленький Мальк скроется за дверью темного клуба.

В "ругере блэкхоук" за поясом Злыдня имелось шесть патронов сорок четвертого калибра. Два для Маленького Малька, один для водителя. Злыдень прикинул, что уйдет десять секунд, чтобы пересечь улицу, убить обоих, пристрелить первых идиотов, которые выбегут на шум, и исчезнуть.

Но что-то не складывалось. Злыдень работал один и неизменно полагался на инстинкт. Вот как ему удавалось проходить незамеченным в двери, чувствовать, когда можно с легкостью и беспрепятственно забрать чужую жизнь. Сейчас

этот инстинкт, отлично откалиброванный инстинкт убийцы, советовал отступить.

Припарковав "BMW" возле Музея науки, он пешком вернулся в "Бар Мика Хакнолла". Зимнее солнце еще светило, но все равно не могло проникнуть во влажную тень у канала. Тем не менее Злыдень вызвал официантку и заказал кофе и пиццу, а после, подняв воротник плаща, стал ждать за столиком на террасе.

Злыдень изучил Манчестер, так его и не полюбив. Он знал его церкви и кладбища, жалкие скверы и вечно капающие своды.

Темный город. Темнее, чем круги под глазами у Майры Хиндли⁵. Его брусчатка забрызгана кровью сотен побоев. Как только признаешь, что Манчестер злобный бог, требующий жертвоприношений, сумеешь свободно убивать и скрываться. И город спрячет тебя, охранит и укроет под вонючими полами черного пальто, сколько бы ни выли, требуя твоей крови, сирены. Манчестер становился пригожее, но никаким бутикам и космополитичным кофейням мира не вытравить смрад этого места, нажившегося на крови и детском труде. Верно, младенцы уже не работают на его фабриках, во всяком случае, официально. Теперь их грабят, сбывают им наркоту, принуждают продавать свои задницы в трущобах Ардвика, Мосс-сайда и Гульма. Городской центр с его галереями

⁵ Хиндли Майра (1942 – 2002) – английская преступница, осужденная за убийства на сексуальной почве.

и театрами и полными побрякушек витринами – все равно что электрокардиостимулятор при сдающем, больном сердце, оазис среднего класса посреди столетней пустоши темноты, невежества и нужды.

Пиццу и кофе принесла очаровательная блондинка, показавшая в ослепительной улыбке все свои зубы.

– А день-то все-таки выдался неплохой, – сказала она. – Приятного аппетита.

Злыдень угрюмо кивнул, отчего блондинка заволновалась и пролила кофе. Когда она ушла за новым, за соседний столик сели двое и, не обращая внимания на окружающее, углубились в меню. Злыдень рассматривал их несколько секунд, пока не понял, что один из них Маленький Мальк – просто теперь в теплой куртке. Его спутник оказался щуплым нервным типом в очках со стальной оправой.

Порасспрашивав, Злыдень уже кое-что узнал. Маленький Мальк действительно назначил награду в пятьдесят тысяч фунтов за информацию, которая бы привела к его поимке или гибели. Эта исключительная глупость внесла разлад в отношения Маленького Малька с Шефом. Лично став свидетелем учиненной Злыднем бойни, Шеф не желал призывать на головы "Пономарчиков" новые беды, ссорясь с ним. Такие ходили слухи, и Злыдень им верил.

В бытность свою главным киллером "Пономарчиков" Злыдень пришел к выводу, что Шеф – человек осторожный и вдумчивый.

Что до Маленького Малька, о нем Злыдень почти ничего не знал.

Худышка в очках пошел в бар делать заказ. Маленький Малые остался за столиком один, на губах у него играла легкая улыбка: он наблюдал за ссорой белки с голубем. Злыдень глазам своим не верил. Маленький Малые или невероятно храбр, или до безумия наивен: предложил награду за информацию, которая привела бы к поимке самого успешного киллера в Манчестере, а потом сидит при свете дня в общественном месте без всякой охраны и как будто никакой опасности не чувствует.

Достав "ругер", Злыдень снял его с предохранителя. Потом поднял на уровень стола и невозмутимо прицелился в голову Маленькому Мальку. Он не испытывал решительно ничего, когда его палец лег на спусковой крючок. Такому дураку еще повезет, что умер по-человечески. Нельзя назначать деньги за голову Верховного Палача и считать, что доживешь до старости.

Мысленно Злыдень уже совершил казнь. Он услышал, как оглушительно рявкнул "ругер" – всегда громче, чем ожидаешь. Он увидел, как голова Маленького Малька раскололась точно арбуз, и в воздух взметнулся яркий фонтан мозгов и крови. Одна пуля для Маленького Малька, одна – для его спутника, когда он выбежит посмотреть, что происходит. Одна для официантки, видевшей лицо убийцы.

И все же Злыдень мешкал.

Белка подскочила к голубю, выхватила у него из клюва корку и была такова. Запрокинув голову, Маленький Мальк расхохотался. Из бара вышел его спутник, и Злыдень убрал пушку подальше – как раз в тот момент, когда Маленький Мальк с улыбкой повернулся к нему:

– Видели? Видели эту чертову белку? Она уже минут пять за горбушкой охотилась!

Злыдень улыбнулся в ответ. Маленький Мальк оказался более мягкой, не столь гадостной версией собственного отца. Лет ему было чуть за сорок. Зубы залеченные и с коронками, редеющие волосы зачесаны назад в неуверительной попытке скрыть лысину. Хотя сложением Маленький Мальк походил на своего бочкообразного папашу, лицо у него было мягче и почему-то невиннее. Он отвернулся к своему спутнику, который принес пиво в высоких стаканах. Чокнувшись с ним, Маленький Мальк отпил.

Вернув пистолет за пояс, Злыдень медленно и молча съел свою пиццу, уже планируя следующий шаг.

* * *

Жил Злыдень там, где никто не подумал его искать: у милой старушки на тенистой улочке в Сейле. Его домохозяйку звали миссис Мэри Мунли. Она была глуховата и страдала артритом, а потому никогда не поднималась наверх. Весь второй этаж был в распоряжении Злыдня.

Миссис Мунли любила общество, поэтому Злыдень играл с ней в карты. Он называл ее миссис Мунли, а она его – Виктором. Все имена, которые брал себе Злыдень, так или иначе были связаны с литературой ужасов: Виктором звали доктора Франкенштейна. С позволения миссис Мунли Злыдень пользовался инструментами в мастерской ее покойного мужа. Взамен он возил ее по вторникам на физиотерапию, а после – в супермаркет закупать на неделю продукты.

Миссис Мунли пребывала в уверенности, что Злыдень работает на какую-то охранную фирму, стережет здания и людей и выезжает по первому требованию – отсюда его непредсказуемые отлучки и странные часы работы. Иногда он вообще не возвращался ночевать. Спала она крепко и редко замечала его ночные приезды и исчезновения. Она и соседки считали Виктора тихим, даже таинственным, но в общем и целом приятным жильцом.

Когда Злыдень бывал дома, миссис Мунли любила ему готовить. Что-нибудь простое и сытное, вроде картофельной запеканки с мясом. Как раз такую она приготовила, когда он приехал, так и не пристрелив Маленького Малька. Они вместе поели: Злыдень и милая старушка за столиком в крошечной столовой. У Злыдня тарелка была огромная, с верхом, у миссис Мунли – детская порция на блюдечке. На книжном шкафу у окна стояли фотографии внуков, которых она никогда не видела. Ее сын и дочь жили в Австралии.

– Вам надо обзавестись девушкой, Виктор, – сказала мис-

сис Мунли. – Вы же такой представительный молодой человек. Сколько вам лет?

Злыдень глянул на нее холодно, но она как будто не заметила.

– Тридцать четыре, – сказал он, помолчав.

– Тридцать четыре, – прочтя по губам, повторила старушка. – Еще не старый. Но уже и не молодой. Вам бы следовало остепениться.

– Я так и не нашел подходящей женщины, – признался Злыдень.

Вскипел чайник. Старушка зашаркала на кухню.

– А какую девушку вы ищете? – крикнула она.

– Женщину, которая знает, когда лежать тихо и когда заткнуться, – ответил он, зная, что она его не слышит.

– Что-что? – переспросила миссис Мунли из кухни.

– Честную женщину, которая не станет делать вид, будто все знает лучше меня. Мудрую женщину, у которой, когда я от нее устану, хватит такта уйти до того, как мне придется ударить ее лопатой и закопать в одиноком месте.

– Нет смысла, Виктор, – крикнула в ответ миссис Мунли. – Ни слова не разберу.

* * *

В одиннадцать вечера Злыдень поехал в Манчестер. Припарковав машину в дальнем конце Уотер-стрит, он выдал

немного пенки для бритья на номера. Потом надел вязаную шапочку и лыжные очки и пешком вернулся к клубу Маленького Малька. В дверях ошивались двое вышибал. За спинами у них монотонно ухала танцевальная музыка. Один из вышибал оказался курчавым толстяком, которого Злыдень уже видел раньше. Второй – маленьким, похожим на терьера шотландцем с распухшими костяшками пальцев и безобразно сплюсненной физиономией.

– Куда это ты собрался? – спросил Терьер, выставляя ладонь, так чтобы Злыдень на нее наткнулся.

– В клуб.

– Только не в таком виде, – сказал толстяк, быстро бросив взгляд в обе стороны улицы.

– Но эти очки стоят больше твоего костюма, – запротестовал Злыдень.

Терьер указал на табличку:

– Видел? "Дресс-код: вечерний неформальный". И на тебе явно не смокинг. А теперь вали отсюда, пока я тебе ноги не переломал.

– Но меня пригласил сам Маленький Мальк, – возразил Злыдень.

Вышибалы обменялись ухмылками.

– Маленький Мальк, да? Никто тебя не приглашал, – сказал Терьер. – Делай что сказано, пока зубы на месте.

– Надеюсь, вы понимаете, что вам положено обращаться ко мне "сэр"?

– Как, мать твою? – переспросил толстяк.

– Я потенциальный клиент. Даже если вы отказываетесь меня впустить, вам все равно полагается обращаться ко мне "сэр".

– Знаешь, что я больше всего люблю в кастетах? – спросил в пустоту Терьер. – Треск, с которым они проламывают кому-то башку.

– М-да, – согласился толстяк. – Сладкая музичка.

– Это нечестно, – сказал Злыдень, обращаясь к Терьеру. – Я ведь много отдаю на вашу благотворительность, знаете ли.

– Какая еще к черту благотворительность?

– Милосердное общество в пользу маленьких шотландцев-паралитиков имени Джимми Крэнки⁶.

Не успел Злыдень договорить, как Терьер замахнулся, метя ему прямо в лицо. Отступив на шаг, Злыдень перехватил его запястье и сдернул с крыльца. И пока Терьер пытался вырваться, дал прямо в зубы. Терьер рухнул, мотая головой, словно что-то отрицал или никак не мог поверить.

Тут перешел в наступление толстяк, застав Злыдня врасплох на удивление быстрым правым в живот. Повторный удар Злыдень блокировал и врезал толстяку точно в центр рассерженной красной морды. Потеряв равновесие, толстяк остутился и, ловя ртом воздух, приземлился на спину.

⁶ Отсылка на английскую актрису Дженнет Таф, выступавшую под псевдонимом Джимми Крэнки, чью карьеру прервало неудачное падение во время спектакля «Джек и бобовое зернышко», где она играла брата Джека Джимми.

Повернувшись, Злыдень пошел прочь. Изрыгая проклятия и осколки зубов, Терьер бросился следом. Оглянувшись, Злыдень увидел, как в правой руке у него что-то блеснуло. Неспешно, не обращая внимания на приближающуюся такси, Злыдень расстегнул куртку, достал "ругер блэкхоук", прицелился в землю перед шотландцем и выстрелил. Терьер набежал прямо на пулю, которая прошла ему подъем правой ступни.

Взревев от боли и ярости, Терьер оступился на бордюре и приземлился прямо под колеса такси. От капота его отбросило на мостовую. Таксист притормозил, машину занесло, и она еще раз переехала упавшего.

Пассажирка такси завопила. Злыдень бодро шел прочь – отступив в сторону, чтобы не столкнуться с двумя подростками, пронесшимися мимо в непреодолимом желании посмотреть на пострадавшего. По тому, как они бежали, можно было подумать, никогда не видели несчастного случая.

4

*Но если я тебе нужен, если ты ищешь меня,
Кто ждет за ужасной дверью, если не
призрачный я?*

Гарольд Монро (1879-1932). «Ужасная дверь»

В две минуты девятого крупный мужчина с меланхолическим лошадиным лицом поднял тяжелые веки. Каждую ночь во сне он превращался в Джона Ставри, греческого мальчишку-иммигранта. Но наяву всегда оставался Шефом, главарем «Пономарчиков», самой могущественной банды Манчестера.

Он лежал в спальне Малькольма Пономаря, в большом удобном доме Малькольма Пономаря в Кнутсфорде. Как всегда, Шеф спал один, его длинное крупнокостное тело заполняло двуспальную кровать. В дверь постучали. Потом она открылась и вошел Философ, один из самых верных людей Шефа. Философ принес Шефу завтрак: апельсиновый сок, овсянку, чай, масло и тосты. Обычно Философ оставлял поднос на прикроватной тумбочке, но сегодня помешкал.

– Вчера вечером в клубе была заварушка. – У Философа был неожиданный для крупного мужчины голос, высокий и гнусавый. – Кое-кого подстрелили.

– Кого? – Во взгляде Шефа безошибочно читалась надежда.

– Не Маленького Малька. Гарри Терьера.

– Он мертв?

– Нет, но джигу уже никогда не станцует. – Философ рас- смеялся собственной шутке, и Шеф воззрился на него стро- го.

– Стрелявшего поймали?

– Сбежал, мать его.

– Значит, к Маленькому Мальку это отношения не имеет.

– Скорее всего нет. Я бы предположил, это был просто пьянчуга, надравшийся на выходные.

Помешивая чай, Шеф улыбнулся. Ему нравилось, как Фи- лософ говорит. Как он произносит "скорее всего нет", под- разумевая "хрен его знает". Это создавало впечатление (во всяком случае, на взгляд Шефа), что он собрал вокруг себя отборные кадры.

– Вопрос времени, – сказал Шеф. – Рано или поздно кто- нибудь парня пришил бы. От него жди беды.

Философ задумчиво почесал задницу.

– Конфуций сказал: "Кто водится с дрочками, тому рано или поздно малафья в глаз попадет". – Подождал смеха, ко- тогого так и не последовало, и добавил: – А жаль.

– Чего жаль? – поднял на него глаза Шеф.

– Так. – Философ пожал плечами. – Просто всякий раз, когда я с девчонкой иду в клуб, Мальк хорошо нас встречает. Не пресмыкается, задницу не лижет. Думаю, он правда нам рад.

Шеф кивнул.

– Теперь и ты понимаешь, что я чувствую. Я знал его всю его жизнь. Он играл в "грязного доктора" с моими собственными дочками.

– Но скажу тебе одно. Элтон Джон из него никудышный.

– Но нельзя же пришить парня только за то, что он фальшивит.

– Все, кого я знаю, говорят, что он симпатяга.

– Плевать мне, – рывкнул Шеф. – Не на симпатягах бизнес строится. Особенно наш бизнес. Я ведь про то, что он даже не позволяет хранить в клубе воровку. У него там огромный чердак пустует. Но нет, он, видите ли, считает, что если у него найдут краденое, Мадонна не согласится там выступать.

– Мадонна в любом случае не согласится там спеть, черт побери.

– Попытайся объяснить это Маленькому Мальку.

– Кто-нибудь уж точно его пришьет. Помяни мое слово.

– Ага. Только не хотелось бы, чтобы это был я. Хотя бы ради его отца. Как-никак я перед ним в долгу.

Философ едва заметно кивнул, а про себя подумал: "Но ты же убил отца Маленького Малька, босс. Это все знают. Ты его поджег. А потом застрелил, черт побери".

Дом Малькольма Пономаря всегда был сердцем операций "Пономарчиков". Внезапное исчезновение Пономаря-старшего ничего тут не изменило. Хотя у Шефа был собственный дом в Хайде, где обитали его обидчивая жена и чура-

ющийся работы сын, он редко туда ездил. Теперь, когда он стал единовластным главой "Пономарчиков", казалось только правильным спать в кровати Пономаря. Как каннибал, который пожирает своего врага в надежде поглотить его дух, так и Шеф верил, что спанье в постели Пономаря и обеды за его столом дадут ему силу и власть предшественника.

Пока выходило только следующее. Шеф собрал около себя новый круг "служек" в замену тех, кого уколошил Злыдень. Выручка шла в гору. Поскольку Шеф был не столь упрям, как его предшественник, отношения с полицией Большого Манчестера у него были сердечнее. За небольшой процент Клайв Босворт, новый главный констебль⁷, позволял Шефу вволю торговать наркотиками, порнографией и девками. Босворт не любил одного – пушек, поэтому Шеф их не продавал. Выходило любовное, цивилизованное соглашение.

Единственной тиной в плавательном бассейне Шефа был Маленький Мальк. А единственным хищником, единственным, кого Шеф боялся, – Злыдень.

Но Шеф уже некоторое время не думал о Злыдне. Во всяком случае, до того утра, когда Брайан Эдварде не принес в его кабинет конверт из плотной коричневой бумаги.

Имя Брайана, обаятельного, но бесчестного прохвоста из Рушольма, когда-то значилось в списке жертв Малькольма Пономаря. Но после смерти главаря Шеф объявил всеобщую

⁷ начальник полиции графства, города.

амнистию. Отчасти потому, что убийства вредят бизнесу, но главным образом потому, что Злыдень перебил его лучших людей.

Это обернулось удачей для Брайана, которого в одночасье повысили, допустив во внутренний круг, а семьдесят фунтов, которые он украл из дома Малькольма Пономаря, отошли в область преданий. Шеф не преминул предупредить Брайана, что воровство по мелочам приводит к утрате яиц. И Брайан силился оправдать оказанное ему доверие. Тренировочные штаны и толстовки со слоганами команды "Манчестер-сити" отошли в прошлое. Теперь он носил сшитые на заказ костюмы и кремовые шелковые рубашки с Кингстрит.

– Я кое-что узнал, босс.

Шеф, который как раз просматривал в он-лайне свои оффшорные счета, рассердился, что его отрывают. Резко вскинув голову, он безмолвно предложил Брайану удивить его чем-нибудь. Брайан же открыл конверт и достал оттуда стопку переплетенных стандартных писчих страниц.

На верхнем листе красовалось отпечатанное на машинке слово:

ГАНГЧЕСТЕР

– Что это? – Шеф отпихнул от себя рукопись, чтобы показать, мол, чем бы она ни являлась, это была всего лишь кучка презренного дерьма.

– Хренов как оно там? Телесценарий.

– Сам вижу. Я-то тут при чем?

– Глаза разуйте.

– Что ты сказал?!

– Ох, извините, босс. С языка сорвалось. Но посмотрите.

Только посмотрите, кто, черт побери, это написал.

Настороженно, будто боялся, что со шрифта ему в глаз брызнет фонтанчик серной кислоты, Шеф прочел имя на титульном листе:

УИЛЬЯМ ДАЙ

Шефу понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, кто это. Билли Дай! Тут он содрогнулся от отвращения, точно по невнимательности надкусил сэндвич с собачьим дермом. Ведь из-за этого языкастого стервеца и начались все беды два года назад.

– Телевидение? – переспросил Шеф. – Я думал, он пишет книги. Книги, которые никто не читает.

– Расширяет свою деятельность, – блеснул умными словами Брайан. – Теперь он будет писать телесериал, который никто, мать его, смотреть не станет.

– И что, кто-то действительно намерен это снимать?

– Похоже на то.

– Кто?

– Ларри Крем ни больше ни меньше.

– Кто такой Ларри Крем?

– Хрен его знает, – сокрушенно признал Брайан. – Но Шо-наг считает, что он большая шишка на телевидении.

– Кто такая, черт побери, Шонаг?

– Актриска, которую я имею по вторникам. Сладкая штучка. Играет Дориту Грин в "Улице Коронации". Ну помните, Дорита из бара? Это Шонаг дала мне почитать сценарий.

– Брайан. – Шеф откинулся на спинку стула, чтобы изучить тощего прохвоста по ту сторону стола.

– Ну?

– Меня нисколько не интересует, кого или почему ты имеешь. Мне плевать, жеребец ты или девственник. Да хоть всю жизнь проведи, дрова в помойное ведро.

Брайан не то хохотнул, не то охнул от удивления.

– Для меня важна только твоя верность. Так почему ты тратишь мое время на эту хрень?

– Поверьте, не без причины, босс, – самоуверенно отозвался Брайан. – Ведь эта хрень, которую написал Билли Дай, – про гангстеров Манчестера. Про нас, понимаете? Не знаю, как вы, а мне кажется, что просто наглость снимать про нас сериал, а нас в него не пригласить.

Над этим Шеф задумался. Пальцы сплелись у него на груди. Большие поглаживали друг друга, как шары в тюряге.

– Им следовало с нами проконсультроваться, – признал он. – Тут сомнений нет. Они не выказали уважения.

Брайан подавил усмешку. Шеф был крутым главарем, и мало кто посмел бы его разозлить. Но его пунктик на сицилианской чести служил постоянным источником веселья для

его людей, ведь все до одного знали, что родители Шефа были иммигрантами из Греции, владельцами грязной забегаловки в Хейзел-гроув возле Стокпорта. И даже не приличной забегаловки, а той, в которой подают тепловатый чай, где на поверхности плавает перхоть.

– Как это случилось? – нахмурился Шеф. – Вот чего я не понимаю. То он писал второсортную дрянь, которую никто не читал, а теперь вдруг его взяли на телевидение.

– Как я слышал, Дай написал книжонку про гангстеров, которую никто не хотел публиковать. Его агент послал ее на хренову студию "Гранада", а там решили, что получится неплохой сериал. Во всяком случае, так мне сказала Шонаг.

– Заткнешься ты наконец со своей хреновой Шонаг?

– Извините. Ну так и что вы сделаете? – спросил Брайан. – Хотите, чтобы Дайя разукрасили?

– Нет.

– Может, мне отпилить у лошади голову и спрятать у него в кровати?

– Разве он держит лошадей?

– Сомневаюсь.

– Тогда какой в этом смысл?

– Просто шучу, босс. – Брайан улыбнулся до ушей, показывая, как правильно реагировать на шутку.

– Забудь про Дайя. О нем уже позаботились. А вот с тем типом, как его там?.. С Кремом надо поговорить.

– О чем?

– О том, хочет ли он делать с нами дела или желает провести остаток жизни в инвалидном кресле. – Взяв со стола рукопись, Шеф лениво ее перелистнул. – О чем сценарий?

Брайан поглядел на него изумленно.

– А мне откуда знать?

– Так прочти.

Шеф швырнул рукопись через стол.

– Легко вам говорить. Тут же семьдесят долбанных страниц.

– Насколько я понимаю, ты умеешь читать?

– Конечно, умею, черт побери. Просто так уж вышло, что я ненавижу хреново чтиво. Отдайте Философу. Он читает настоящие книги. Я его подловил.

– Сволочь ты ленивая, Брайан. Бери его домой. Сейчас же.

– О черт! Ну зачем вы так со мной, босс? Я за всю жизнь ничего длиннее этикетки на пивной бутылке не прочитал.

– Вот именно. Ты практически безграмотен.

– Вы хотите сказать, что я урод?

– Мне тут умные люди нужны. Ум. Культура. Понимаешь? Я хочу, чтобы эта организация стала шикавой.

– О'кей. Но окажете нам услугу, а, босс? Подкиньте "капусты" до полочки? Я совсем на мели.

Ворча себе под нос, Шеф шлепнул сорок соверенов в протянутую руку Брайана. "Шиковой?" Как же, держи карман шире!

На следующее утро никто на дверях клуба не стоял. Злыдень, облаченный в костюм, в котором явился на свадьбу Билли Дайя, переступил порог и через фойе вошел в помещение клуба. На грифельной доске снаружи кто-то написал: «Седня один только рас: Куки Ля Грас». Куки Ля Грас был известным манчестерским трансвеститом. На сцене Маленький Мальк с микрофоном в руке репетировал идиотскую трескотню:

– Дамы и господа... из самого Малого Ливерпуля, что у Болтона... сенсационная, нецензурная, первая леди Манчестера... Я сказал леди? Леди и джентльмены, поприветствуем неподражаемую Куки Ля Грас!

Уборщица, чья-то измотанная мамаша из Левенсгульма, протирала за мизерную зарплату барную стойку. Скучающий старый придурок за ударными выбил туш.

Маленький Мальк поморщился.

– Что это за хрень, Питер?

Без спешки, тяня время, Злыдень сел на табурет.

– А мне показалось, неплохо, – пожал плечами барабанщик.

– Словно старикашка ветры пустил, – сказал Маленький Мальк. – Давай снова... поприветствуем Куки Ля Грас!

Маленький Мальк ждал. И барабанщик тоже.

– Чего ты ждешь? – окрысился Маленький Мальк.

– Не знаю.

– Я же только что произнес ключевую фразу!

– Когда?

– Сказал "Поприветствуем Куки Ля Грас".

На сей раз барабанщик выдал четыре небрежных такта.

– А это что значит?

– Похоже на поезд.

– Какое отношение поезд имеет к трансвеститу из Болтона!

– Да.

– Что "да"? – взорвался Маленький Мальк. – Я что, вопрос тебе задал?

– Нет.

– Тогда почему ты сказал "да"?

– Показалось, что к месту, – ответил барабанщик.

– К какому месту, мать твою? – Маленький Мальк закрыл лицо руками. – Послушай. Мне нужна только барабанная дробь. Ты ведь можешь выбить дробь, правда?

Ударник изобразил отменную барабанную дробь.

– Молодец. Теперь попытайся сделать это, когда я скажу: "Поприветствуем Куки Ля Грас".

Снова барабанная дробь.

– Зачем тут туш? – взмолился Маленький Мальк.

– Ты же сказал, я должен его выбить, когда ты произнесешь "Куки Ля Грас".

– Нет! Нет! – Маленький Мальк в отчаянии пнул сцену. – Не это ключевая фраза! Это я тебе говорил, какая у тебя ключевая фраза!

– А мне откуда, черт побери, было знать? – посетовал ударник.

– Господи Иисусе! Перерыв, мать твою! – вздохнул Маленький Мальк, возвращая микрофон на стойку и спускаясь со сцены.

Встав с табурета, Злыдень подождал, когда Маленький Мальк пройдет мимо.

– Мистер Пономарь?

– А вы еще кто? – повернулся к нему Маленький Мальк.

– Э-э-э... Прошу прощения, сэр, я слышал, вам нужен вышибала на дверях.

– Вот как? – Маленький Мальк смерил Злыдня взглядом. – Урод пройдошистый. Да, нужен, черт побери. Ты чего-то стоишь?

– Работал раньше на Томми Дина в Лидсе. – Злыдень протянул поддельные рекомендации.

– Абрахам Стокер, – прочел, прищурясь, Маленький Мальк. – Так тебя зовут?

– Да, мистер Пономарь.

– Ты чист, Стокер? Я потому спрашиваю, что сидевшие мне не нужны. Попробуй я такого нанять, меня закроют.

– С тех пор как был ребенком, ничего.

– Э-э-э... нет. Извини. – Маленький Мальк протянул пись-

мо назад. – Когда я говорю "чист", я и имею в виду кристально чист.

Он отвернулся, показывая, что разговор окончен.

– Ваш папа дал бы мне шанс, – сказал Злыдень.

Маленький Мальк резко обернулся, прищурившиеся глаза налились ядом.

– Что? Что ты сказал?

– Я однажды встречался с вашим папой. На стадионе на Мейн-роуд. Когда я был ребенком, мужик, у которого я мыл машины, дал мне разок свой пропуск в директорскую ложу. Там я познакомился с вашим отцом. Потрясающий был человек. Весь день покупал мне кока-колу, по-настоящему за мной присматривал. Он видел, я всего лишь пацан, но отнесся ко мне с душой. Поэтому да, думаю, он дал бы мне шанс.

– Ах вот как. Ты так думаешь?

– Да, сэр.

Достав пачку "ротманс", Маленький Мальк сунул в рот сигарету и порылся по карманам в поисках зажигалки. Злыдень достал серебряную зажигалку "харлей дэвидсон" и поднес ему огонек. Маленький Мальк кивнул в знак благодарности, затянулся и уставился куда-то в угол.

– А ты скользкий тип, надо отдать тебе должное. – Отступив на шаг, Маленький Мальк искоса оглядел Злыдня. – И тебе очень нужна работа, да?

– Да, сэр.

Маленький Мальк скептически кивнул.

– Стоять в дверях и спорить с пьяными придурками, которые хотят знать, почему им нельзя войти, когда у них грязные подштанники на хреновых головах?

– Совершенно верно.

– Ты понимаешь, что это всего пятерка в час? Никаких выплат по болезни, никакой страховки, никакого оплачиваемого отпуска?

– Мне все равно. Я хочу работать, мистер Пономарь.

– Ладно. Сегодня в восемь. Но только потому, что я в отчаянном положении, черт побери. Понял? У тебя испытательный срок. Если опоздаешь – уволен. Если кто-то собьет тебя с ног – уволен. Если затеешь ссору или обругаешь посетителя, даже хама, – выставлю за дверь.

– Спасибо, мистер Пономарь.

– И никакого оружия. Если поймаю тебя с ножом или пушкой, выставлю к чертям собачьим. Ясно, Абра-как-там-тебя?

– Абсолютно, мистер Пономарь.

* * *

Первый вечер Злыдня в «Диве» прошел без приключений. На дверях он работал с чернокожим парнишкой по имени Брэндо, угрюмым бодибилдером с отвратительным характером. Около одиннадцати подвалила толпа ливерпульцев. У двоих юнцов лет двадцати не нашлось билетов. Обра-

щаясь к ним вежливо и мягко, Брэндо спокойно объяснил, что им ходу нет. Злыдень стоял в сторонке, заинтересованно наблюдая, как справится парнишка. Один ливерпулец заявил, что отказ Брэндо их впустить никак не связан с отсутствием билетов, а лишь с тем, что они приехали с того берега реки Мерси.

– Думаешь, мы не смогли бы купить пару сраных билетов, если бы захотели?

– Тогда почему же не купили?

– Вечно вы, манчестерские гады, нос задираете.

Брэндо разыграл изумление.

– Вы имеете в виду, что я сказал, будто вы спите в мусорном ведре?

– Что ты сказал, мать твою?

– Я не намекал, что вы едите тараканов с пола.

Ливерпулец неосмотрительно и неумело замахнулся.

Пока его рука была вытянута, Брэндо ему врезал. С виду удар был так себе, но эффект произвел впечатляющий. Жертва замерла, глаза у нее закатились. Ливерпулец несколько раз открыл и закрыл рот, точно рыбка-гупия, потом засеменял сужающимися кругами, пока наконец не повалился наземь.

Приятель поднял его, изрыгая угрозы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.